

Роберт Шляпников

Линзы

Роберт Шляпников

Линзы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18976095

ISBN 9785447487805

Аннотация

Социальное фэнтези. О том, что за все надо платить. Простому деревенскому мальчику дается страшный инструмент, которым он не сумел воспользоваться правильно.

Линзы

Роберт Шляпников

© Роберт Шляпников, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Ну-ка вставай, вставай горе ты мое луковое. – Сквозь сон, издалека, раздался голос мамы. Он, с трудом, открыл тяжелые после сна веки. Привычно протянул руку к прикроватной тумбочке и как всегда неуклюжие пальцы столкнули очки на пол. Массивная оправа, вместе с толстыми линзами, буквально загрохотали в утренней тишине. «Видно придется вставать.» – Мрачно подумал он. И медленно, перевалившись на другой бок, попытался, не слезая с кровати, поднять их. Расплывающиеся очертания предметов, как в тумане, не давали повода надеяться, что шарящая по полу рука, что-нибудь нащупает. Но вот удача! Шурик удовлетворенно водрузил на нос огромные окуляры, связывающие его с внешним миром. И все встало на свои места. Настроение улучшилось, он даже улыбнулся.

За завтраком, выяснилось, что мама долго откладывала, урезая себя во всем. И теперь у них, есть возможность приобрести ему линзы. Это счастливое событие должно произойти на следующей неделе. Неделя – это целая вечность. Когда он снимет с носа эти гигантские, массивные уродли-

вые очки – все, пойдет по-другому. Жизнь станет прекрасна. Он будет смело подходить к девчонкам, спокойно болтать с ними о всякой всячине. Ему не придется проскальзывать в класс. Теперь можно будет спокойно входить, широко распахивая двери. Не надо будет, мямлить и краснеть, стоя перед доской. Хотя ты знаешь ответ. Теперь, его не будут пинать по поводу и без, пацаны-одноклассники. Все – конец бесконечным унижениям. Чтобы заработать уважение, можно будет даже подраться с кем-нибудь из них. Его мнение обретет вес. Жизнь, бьющая ключом, заменит серое, тягостное прозябание. «Пора в школу.» Голос мамы опять выдернул из мира грез. «Все-таки у мамы определенно развит талант с утра „улучшать“ настроение.» – Мрачно подумал Шурик, неловким движением смахнув со стола, пустую чашку. И, о чудо – та не разбилась!

На учебу он шел окрыленный. На губах играла улыбка. Глаза светились мечтой. Даже старая привычка, сжиматься и казаться незаметным на улице, была забыта. За что и был наказан во дворе школы. Его окликнули: – «Эй, Панда! Подойди-ка сюда.» Эта кличка за его неуклюжесть, никогда не снимаемые очки и полноту, пристала с первого класса. Робко повернув голову, он увидел стоявших кружком старшеклассников. Мечта куда-то испарилась, колени стали мелко подрагивать. Лоб и ладони покрылись испариной. И смешной, деревянной походкой он направился к ним, даже

не заметив перед собой небольшую канаву. О которую неуклюже споткнулся, упал, и вопреки всем законам физики как-то странно покатился, сильно вывалявшись при этом в грязи. Когда он попытался встать, волки (а это ведь были настоящие люди-волки) уже стояли рядом, радостно ржа. «Видишь, какой у меня грязный ботинок. Надо бы его почистить.» – Пролаял один из них. Почти животный ужас обуял его. Чувство тревоги и опасности физически придавило к земле. Он тоже человек, он просто хочет мира, он просто хочет в школу. Рука медленно потянулась к ботинку и рукавом, недавно купленной куртки, Шурик до блеска протер туфель. «Ладно, беги получать хорошие оценки, чтобы не огорчать свою мамочку.» – Прозвучало как спасительная индульгенция.

Только войдя в школу, он почувствовал горькую, страшную обиду и слезы неудержимо полились из глаз. Дежурные, даже не записали его в книгу опоздавших, все оборачивались с презрительной жалостью и удивлением. «Эх, если бы у меня были линзы. Я бы им показал. Я бы, я бы...» И картины страшной мести стали проноситься в мозгу. Отмывать грязь пришлось довольно долго, естественно, он еще больше опоздал. Очередную порцию унижений, пришлось выслушивать от классной. День был безнадежно испорчен. Сидя на уроках, он никого и ничего не слышал. Вжав голову в плечи Шурик буквально считал минуты до того счастливого момента, когда можно будет убежать домой.

В родных пенатах его ожидала еще одна неприятность.

Собака, прожившая у них довольно долго, лет семь или восемь, начала умирать. Вначале она скулила, потом начала выть, затем просто хрипела. И так, почти до самого вечера, пока окончательно не испустила дух. Когда совсем стемнело, чтобы никто из соседей не видел, он завернул труп в полиэтиленовый пакет. Взял лопату и пошел ее хоронить за околицу. Было очень страшно и ужасно неприятно притрагиваться к мертвому телу. Шурику обычно нравилось гладить пса по густой шерсти. Закопав Кузю, так звали четвероногого друга, и вернувшись домой, он только тогда понял, что потерял не просто собаку, а нечто большее.

Ведь, это было единственное существо на свете, которое воспринимало его всерьез и которому, можно было поведать все секреты и обиды. Слезы, навернулись на глаза и громкие рыдания разорвали тишину пустого дома.

Наплакавшись вволю, он принялся готовить уроки. Вдруг что-то необъяснимое, непонятное, неосязаемое появилось в комнате. Свет ярко освещал все углы, никого и ничего постороннего не наблюдалось. Однако ЭТО находилось тут. Животный, дикий ужас обуял его, ноги и руки отказывались повиноваться. Даже голову невозможно было повернуть. Так замерев с выпученными глазами, он просидел, казалось целый час. Вдруг, странички в учебнике математики, стали сами собой переворачиваться, причем вначале медленно, а затем ускоряясь. Перед глазами начал появляться текст и когда среди букв стало вырисовываться его имя, он упал в об-

морок.

Очнулся Шурик в своей постели, рядом, сидел здоровенный дядька в белом халате, оказавшийся врачом. За его плечами маячила встревоженная и усталая мама. Вернувшись домой, и найдя сына без сознания, она сразу же вызвала скорую. Врач уже минут пятнадцать пытался объяснить ей, что мальчик очень впечатлительный и смерть пса, таким образом повлияла на него. О собаке рассказали соседи. «Вот видите, мы уже очнулись. Ну, здравствуй дружок.» – Улыбнулся ему дядька. «Физически мальчик вполне здоров, просто очень эмоционален. К тому же держит все переживания в себе. Лекарства я Вам выписал, принимать три раза в день перед едой.»

После бульона, принесенного прямо в кровать. После горьких слез, поцелуев и причитаний мамы, он заснул спокойным крепким сном. Следующее утро оказалось гораздо лучше вчерашнего кошмара. Солнце, не по-зимнему яркое и теплое светило через белый тюль, вырисовывая его причудливый узор на противоположной стене. Обои в комнате Шурика были голубого цвета и очень гармонировали со снегом, лежавшим в палисаднике. Дорога, правда, уже утопала в грязи.

Сегодня, он, к своему великому удивлению, не уронил очки. Улыбка, игравшая на его круглом лице, вызвала умиленную слезу у собравшийся на работу мамы. Поцеловав его на прощание, она сообщила, что всю неделю ее сын будет

дома. С классной руководителем она договорилась. Это был рай. Про вчерашнее просто не хотелось вспоминать. Настоящее своим благополучием приятно вдавливалось в мягкие подушки.

Вообще-то он был очень послушный и исполнительный мальчик. Затопить печку, прибраться в доме и во дворе, прополоть огород – эти хозяйственные обязанности у него всегда получалось делать вовремя и довольно успешно. В свободное время он не играл в компьютер, не читал книг, не интересовался футболом. Высшим наслаждением для него было – лежать на больших, пуховых, купленных мамой, специально для любимого сына, подушках и мечтать. Как только он закрывал глаза, череда мультипликационных картинок проплывала перед ним. Он мог менять их местами, замедлять, или просто выкидывать. Режиссер сидел где-то глубоко в мозгах. И, как и зачем это происходило, невозможно было понять, да и не надо было. Это просто приносило несказанное удовольствие.

Так он лежал до обеда. Автоматически сработал будильник. Роль послушного мальчика, а иной он не знал, заставила его встать и подогреть еду, оставленной заботливой мамой на плите. По включенному телеку, который как у всех стоял на кухне, ничего интересного не показывали. Доев, так любимые им котлеты, он помыл посуду и опять пошел в кровать. Полный желудок не позволил предаться сладким мечтам, а заставил провалиться в бездну глубокого сна, как толь-

ко Шурик коснулся головой подушек.

Проснулся он от внезапного толчка изнутри. Что-то в голове требовало вспомнить вчерашнее. И это что-то было довольно настойчиво. Но память, ах, эта человеческая память поставила свое безоговорочное вето. Она просто не позволяла прокрутить недавнее прошлое, так как это было опасно. Может быть опасно для жизни. И он всеми фибрами своей молодой души чувствовал, что это так. Эта внутренняя борьба продолжалась около двух часов. Затем он решительно встал и пошел заниматься хозяйственными делами. Ужасно недовольный тем, что не удалось «посмотреть мультики». Так он обычно называл свои фантазии. Физическая терапия успокаивала. Он опять впал в свое естественное состояние «воспитанного мальчика», которое просто не предусматривало каких-либо внутренних противоречий.

Усевшись у окна, Шурик стал наблюдать, как их сосед, дядя Саша, производит ремонт калитки. Помогали ему в этом двое друзей собутыльников, специально вызванные, для этого сложного и утомительного дела. Вначале они приняли, как положено по сто.

Все события разворачивались как на ладони, так как их дом стоял выше дядь Сашиного, и из окна было прекрасно видно, хотя ничего и не слышно. Затем принялись энергично обсуждать, что и как делать, усиленно помогая себе при этом руками. Больше всех суетился хозяин дома. Сам по он себе был, очень жизнедеятелен, как в народе гово-

рят шебуртной. А когда выпьет, его энергия увеличивалась вдвое, правда обычно все усилия уходили в песок. Вот и сейчас, ни на секунду не останавливаясь, он перебежал от калитки к «работягам» (так величал он всех, кто ему помогал). За всем этим было довольно забавно наблюдать. Шурик, даже попробовал представить себе, что тот при этом говорит. Получалось ужасно смешно. Вначале улыбка озарила его лицо, а затем хихиканье переросло в истерический хохот. Все плохое было забыто. Жизнь была прекрасна. Вволю посмеявшись, он пошел на кухню. Там налил себе большую кружку чая, достал конфеты и отправился на свой наблюдательный пункт. Становилось интересно, чем все это кончится. Все-таки, приняв какое-то решение «работяги», вместе с бригадиром принялись снимать многострадальную калитку. Снимали они ее, в течение получаса, вконец измаявшись. И, в результате, свалили эту массивную железяку, на ногу самому хозяину. Последующие движения потерпевшего, напоминали воинственный танец обкурившегося индейца. Вокруг начали собираться зеваки. Последним па в этой трагикомичной пантомиме, было то, что наш герой поскользнулся (видно ноги от переживаний уже плохо держали) и грохнулся прямо в подтаявшую грязь. Соратники на руках унесли беднягу в дом. Затем усевшись во дворе, вероятно очень сочувствуя хозяину, принялись заливать горе мутноватой жидкостью из большой бутылки. Сопереживать пришлось почти до захода солнца. Появление на сцене жены дядь Саши ока-

залось неожиданным и неприятным сюрпризом. Вся бригада мгновенно ретировалась. Комичная пантомима достигла своего апогея. Оба супруга выражали свои чувства довольно энергично. Хозяин, забыв про хромоту, бегал от жены, к калитке интенсивно жестикулируя руками, то приседая, то смешно подпрыгивая. Теть Наташа (так звали хозяйку), высокая и худая, при этом очень сдержанная, каждому своему движению придавала большую значимость. Диалог продолжался, пока совсем не стемнело. Супруга завела в дом провинившегося, так как высказывать свое мнение о нем, было еще довольно долго, а в тепле это делать удобнее. Сцена опустела. Калитка осталась лежать на прежнем месте. Стало скучно. Шурик пошел смотреть телик.

Мама, прибежала раньше обычного, видно отпросилась. За ужином, в их чистенькой кухне прозвучал тысяча и один вопрос о его самочувствии. Однозначные ответы сына, маму не удовлетворили, и она заставила больного принять двойную дозу лекарства.

Он никогда, никому не признался бы, что спит с мамой в одной кровати. Хотя трудно было назвать кроватью это огромное сооружение, занимавшее большую часть их спальни. С великим боем отвоевав свою половину у долго не сдававшей позиции мамы, Александр никого туда не пускал. Ни двух кошек, живших с ними, ни тем более саму маму. Это был его заповедник. В прикроватной тумбочке хранились старые добрые детские игрушки, набор открыток ви-

дов Москвы, теннисный мячик и разная ненужная мелочь. Спальня была самым безопасным местом в мире. Лежа среди огромных подушек, он чувствовал, что сюда не доберется никакое зло в мире.

Сон пришел мгновенно. Однако, часа в два ночи пришлось подыматься, чтобы справить малую нужду. Мама заблаговременно ставила для этого ведро на веранде, дабы ребенок не бегал по холоду. Но заснуть уже не удалось. Шурик ворочался почти два часа, только под утро забылся беспокойным сном.

И тут, пришел дикий, ужасный, животный страх, который посетил его вчера. Ему снилось, что комната погружена в темную липкую, едкую тьму. Он, сжавшись в комок, сидит на корточках в углу. Причем не может пошевелить даже пальцем. И сама невозможность выйти из ступора, давит на виски и на плечи. А на кровати, на его любимой кровати, под его любимым одеялом извивается что-то неестественно бледно-белое. Это что-то похоже на огромную, жирную личинку майского жука. Оно неуклюже ворочается и желеобразное, студенистое тело трясется, не издавая ни звука. А кто-то высокий и худой передвигается по комнате, совершенно бесшумно. Он или она невидим и бестелесен. И только в том месте, где это находилось, тьма становилась гуще. Маленький мальчик почувствовал, что этот сгусток стоит напротив него. Шурик с диким ужасом понял, что его изучают. Как холодно! Голова, живот, ноги заиндевели. Его нача-

ло трясти мелкой дрожью. В паху вдруг стало горячо и мокро. Александр, проснулся и желудок вывернуло на изнанку. Стон и хрип мгновенно разбудили маму. И пока она успокаивала сына, вытирая слезы и рвоту, он вдруг понял, несмотря на вселенский ужас, вызываемый этим существом, что его не тронут. Видно еще не пришло время. Шурик, помытый и переодетый, спокойно уснул.

Следующий день прошел скучно и буднично. Дядь Саша, обидевшись на весь белый свет, плюнул на ремонт калитки, сиротливо валявшейся возле ворот. И не показывал носа из дома. Автоматически переделав хозяйственные дела, наш герой, без всякого на то интереса, уселся смотреть телек. Что вскоре ему порядочно надоело. И он по привычке, но уже с опаской, не раскрывая ее, уселся на свою кровать. Где провалился в темный, без всяких картинок сон. Также внезапно проснувшись, он понял, что проспал довольно долго и солнце уже клонится к закату. Вообще-то ясные и солнечные дни ему не очень и нравились, так как увеличенный линзами свет буквально ослеплял. А вот когда на улице моросил дождь, или мела снежная поземка, Шурик ставил возле подоконника стул и поудобнее усевшись, наблюдал как мокнут или мерзнут спешащие прохожие. Это доставляло ему огромное удовольствие – наблюдать из уютного домашнего мирка за чужим, неустроенным, чаще всего злым, законным миром. В душе возникало чувство превосходства и торжества. Пускай так, но он мстил вечно обижающей и по-

что всегда, больно бьющей его действительности. Это была небольшая, но победа.

Сегодня день был солнечный и все было скучно и обыденно. До прихода мамы, от нечего делать, Шурик решил полистать одну из немногочисленных книг.

Они едва сводили концы с концами и такую роскошь, как книги просто не могли себе позволить. Да и время, а самое главное интереса на такую ерунду не было. На полке, как у всех, стояли кем-то подаренные, несколько томов Лермонтова, Шолохова, Макаренко и Ленина и неизвестно откуда взявшиеся трагедии Шекспира. Взяв в руки книгу в черном твердом переплете, он вдруг ощутил покалывание в кончиках пальцев. Само слово «Шекспир», выбитое золотом, вызывало уважение. Вначале чтение пошло довольно тяжело. Слова давались с трудом, смысл от строчки к строчке терялся. Но Александр был упрямым и прилежным мальчиком, дело потихонечку сдвинулось с мертвой точки. Кроме того, что-то подталкивало его, преобладало чувство нужности и необходимости осуществляемого. Через, пол часа, он про все забыл и уже не мог оторваться от магии поэтического слова. Оказывается, с помощью незамысловатых черных значков возникал новый, неизвестный, захватывающий мир. Гораздо интереснее событий в школе и поселке и уж тем более их с мамой тесного мирка. Книга буквально поглотила его. Шурик был там внутри, когда одно из слов грубо выдернуло назад. Подсознание почему-то связало вчерашний

сон и сегодняшнее чтение. Только минут через десять, он вдруг понял, кто изучал маленького мальчика в ночном кошмаре. Имя тому было «Смерть». Вернулись тревога и страх, но он помнил. Да, очень хорошо помнил – его пока не тронут. И эта, как бы гарантия, давала чувство спокойствия и уверенности. Заново открыв книгу, он опять погрузился в фантастическую, сказочную, не отпускающую вселенную. В начальных классах чтение давалось ему с большим трудом. И как учительница не билась, дальше тройки дело не доходило. А тут, внезапно пришел страшный голод чтения. Он глотал страницу за страницей, пока с работы не пришла мама. С большой неохотой поставив томик Шекспира на полку, недовольный Шурик пошел ее встречать.

Ночью ему снилось, что он облачен в королевскую мантию, подбитую горностаем. На голове укреплена корона, украшенная драгоценными камнями. Все пальцы рук в перстнях, а восседает он на троне, стоящем на возвышении огромной залы, уходящей куда-то в бесконечность. Перед тронем в почтительном поклоне, склонилось множество придворных в богатых убранствах. Все действие происходит в цвете и почему-то в полной тишине. Александр понимает, что правит миром и вершит судьбу людей одним мановением руки. Это вызвало такой шквал чувств, которых он никогда не испытывал. Куда там маминим любимым котлетам или сидению у окна. Здесь он был кем-то, не просто Шуриком, а тем – от кого зависит многое и многие. В восторге он даже

описался и тут, к большому сожалению, сон прервался. Пришлось вставать и переодеваться, маму он будить не захотел.

Следующее утро также оказалось солнечным, что конечно же не улучшило настроение. К его удивлению это был выходной. Как быстро летит время. Но настенный календарь с изображением улыбающейся таксы не врал. Эх, еще бы недельку поваляться. Мама кстати сегодня останется дома. К ней, как обычно, придут подружки – теть Таня и теть Нелли. Грубое, как- будто вырубленное неумелым лесорубом, лицо теть Тани вначале пугало и отталкивало. Но если присмотреться, сквозь густую сетку морщин, под нависшими тяжелыми веками, видны были добрые, все понимающие, обесцвеченные временем глаза. Говорят, после потери семьи, она сильно пила. Затем каким-то образом умудрилась завязать. И вот теперь, живя одна в большущем доме, она, как на праздник, дождавшись выходного, приходила к ним в гости. Где очень привязалась к Шурику. Тот любил слушать ее красивый, певучий голос. А когда она затягивала одну из песен, своего богатого репертуара, он просто про все вокруг забывал. Вторая – теть Нелли была полной противоположностью первой. И представляла собой благообразную, седую старушку. Своей внешностью, а было заметно, что она тщательно за собою следит, тетушка очень располагала к себе. Но как только открывала рот, ее хриплый, требовательный голос немедленно убивал все симпатии. И заставлял слушателя немедленно подчиниться морально-эти-

ческим нормам, извергаемым узкими, обычно поджатыми губами. Всю их компанию объединяло одно, женщины были ярыми последователями Свидетелей Иеговы. Мама, недолго упиралась настойчивым попыткам обратить своего сына. Но чтение молитв и пение псалмов, нагоняли на Шурика такую скуку и тоску, что однажды во время совершения этого торжественного действия, троица обнаружила парнишку спящим. После этого они отказались от каких-либо потуг включить Шурика в свои праведные ряды. И обреченно махнули на него рукой. От их проповедей осталось чувство страха и вины, за то, что он такой неисправимый грешник. И, когда-нибудь, кто-то придет и Александру будет ужасно плохо. Но, это когда-то, а сейчас дома уютно и тепло, на кухне поют подружки и он вполне защищен в их тесном мирке.

Хотя, сегодня все как-то по-другому. Он был охвачен внутренним зудом чтения, нетерпеливо ожидая их ухода в церковь на собрание. Едва за мамой закрылась входная дверь, он снял с полки Шекспира и погрузился в изумительный мир грез. Сейчас любое слово приобретало уже новый, необычный смысл, это заставляло задумываться над каждой строчкой. Очарование поэзии, красота рифмы вызывали в душе чувство торжественного полета и причастности к чему-то огромному, великому.

Все-таки, Александр, самый лучший, неповторимый, единственный. Больше такого на этом свете нет. Он даже лучше, как это ни кощунственно звучит, своей мамы. Чей

авторитет был подорван лет в семь, когда сверстники стали интересоваться, где его отец. В ответ приходилось глупо улыбаться и тупо отмалчиваться. А на прямо поставленный вопрос мама горько расплакалась и между всхлипываниями укоризненно попеняла, мол, неужели ему не хватает любимой мамочки. Ведь она делает все для его счастья и просто не понимает, зачем нужны эти глупые вопросы. В дальнейшем чувство вины не позволяло ему касаться этой, теперь уже запретной темы. Для себя, Шурик решил выкинуть из головы эти крамольные и никому не нужные мысли. Но все-таки, его съедала черная зависть, когда одноклассники (а друзей как таковых не наблюдалось.) заводили речь о своих отцах. Становилось до слез обидно и стыдно за их неполную семью. И пускай у Сереги папа алкаш и бездельник, зато тот может гордо рассказывать, сколько за один присест может выпить его драгоценный родитель. А он, непонятно почему, был лишен такой возможности. Хотя, открывалось обширное поле для фантазий, кем мог бы быть его отец. И частенько лежа на кровати, и просматривая «картинки», он включал в них различные варианты свидания с папой. Иногда тот был летчик испытатель, иногда моряк подводник. Обычно их встреча происходила на глазах у всей школы. И когда они шли по коридору, сзади был слышан восхищенный шепот завистников. «Картинки» буквально за шиворот вытаскивали его из серости, мрачности и уныния ежедневности. А тут, вдруг появляется аналог, а может даже лучше

«картинок», заменитель в виде книги. Короткое знакомство с ней вызвало такую бурю страстей, мыслей, что становилось просто не по себе. Запойное чтение заставило забыть об обеде и продолжалось до вечера.

Серое, промозглое утро следующего дня оказалось понедельником. Пришлось одеваться и нехотя идти в школу. Там все шло своим чередом, жизнь буквально кипела с ним или без него. Было немного обидно, что его отсутствие никто не заметил. На уроке математики, Серега, который сидел сзади, как всегда по привычке, отвесил ему хороший увесистый подзатыльник. Руки, у этого здоровенного оболтуса были, как две здоровенные кувалды. Он на спор пробивал лист фанеры и очень этим гордился. Девчонкам это нравилось, однако дружить с ним никто не хотел, так как кулаки шли в ход по поводу и без. И тут вдруг, помимо воли Шурика что-то внутри перевернулось. Совершенно утратив над собою контроль, он резко встал и внезапно развернувшись, со всего размаха залепил звонкую пощечину по широкой морде этого придурка. Такого поворота событий тот явно не ожидал. В классе повисла жуткая тишина. Недоумение на лице Сереги начало сменяться выражением дикой ярости. Выпученные глаза стали наливаться кровью. Какая-то козявка ударила льва. Невероятно, но факт. Однако, продолжения не последовало. За спиной виновника возникла тень учительницы.

– Ты что же это вытворяешь? Успеваемость вообще скати-

лась на ноль, так еще и в хулиганы хочешь записаться? Бедная твоя мама, как рыба бьется об лед, с таким вот сыночком... Чтение морали продолжалось минут пять, затем его с позором изгнали на галерку. Считалось, что сзади сидят отстающие дети. Сгорбившись, почти спрятавшись под парту, он судорожно протирал толстые линзы своих очков. В груди клокотала буря разнообразных чувств. Такое он испытывал только вчера, при чтении Шекспира. Было ужасно приятно чувствовать себя человеком, могущим дать сдачи. В крови гулял выброшенный адреналин. Никаких сожалений не было. Руки сами собой сжимались в кулаки. Однако при мысли, что может произойти после уроков, начало подсасывать внизу живота. Враг сидел, не шелохнувшись и даже не разу не обернулся. Тут и так все было ясно, различные планы мести сверлили его убогий мозг. И вдруг Шурик понял, после Шекспира он стал другим, тем, кто может и умеет все. Именно это и есть жизнь. Время неумолимо приближало конец урока, однако страх, как ни странно, испарился. Конечно, последствия стычки с этим бугаем неминуемо окажутся ужасными, но назад ходу нет. Звонок прозвенел, как набат. Класс опустел. Александр медленно поднялся и нехотя двинулся на выход. Поправив очки на переносице, обреченно толкнул дверь. Оказывается, никто не ушел, все ждали и обменивались мнениями. При виде виновника торжества, гомон прекратился. Самая крутая девчонка класса, Оксана, оказавшись на голову выше него, сочувственно обняла

за плечи и похоронным голосом сообщила, что дебил Серега ждет его на заднем дворе. Деваться было некуда. Призрачная надежда отсрочить расплату лопнула как мыльный пузырь, впереди была большая перемена.

Пришлось со всей этой сочувствующей толпой направиться на постоянное место проведения поединков. Ветер разогнал серые, свинцовые облака и яркое солнышко отражаясь от проплешин оставшегося снега и преломляясь сквозь толстые линзы очков, заставляло Шурика отчаянно щуриться. Начал тупо болеть затылок. Только оказавшись внутри круга орущей, жаждавшей крови толпы, он понял, что натворил. Но отступить было поздно, да и бояться уже порядком надоело. Монстр Серега аккуратно и медленно снял свою очень дорогую куртку и передал ее секундантам. Резко обернувшись и в дикой ярости порвав на себе рубашку, он злобно оглядел собравшихся, как бы пытаясь запомнить все лица. Гомон прекратился. Затем плавно повернувшись, эта груда мышц начала приближаться к противнику. Шурик изловчился и подпрыгнув, со всей силы залепил в ухо этому уроду. Раздались восторженные и ободряющие крики. Очки слетели во время прыжка. В полном тумане, под ор возбужденной толпы он начал пятиться. Это было последнее, что сохранилось в памяти. Внезапная вспышка разорвала сознание, а затем полнейшая тьма окутала мозг.

Очнулся он на кушетке в медкабинете. Толстая фельдшерница в белом халате суетливо хлопотала над ним. Рядом

стояла завуч по воспитательной работе. Толстуха, повернувшись к завучу сообщила, что с мальчиком все в порядке, однако вполне возможно сотрясение мозга. Потерпевшему нужен постельный режим и полный покой, хотя бы на одну неделю. Через щелочку в приоткрытую дверь, выглядывали носы любопытствующих. Раздался возмущенный голос. «Хватит толкаться, дайте посмотреть!» «Слушай, имей совесть, ты же тут не один!» Послышался шум возни и дверь распахнулась. «Извините мы нечаянно» – сконфуженно начали оправдываться пойманные на месте одноклассники. «А вот и помощники.» – обрадовалась завуч. «Вам придется проводить нашего потерпевшего. Ну-ка идите сюда. Помогите ему подняться.» Шурик отстранил руки подошедших пацанов и встал на ноги сам. Сильно закружилась голова, пришлось снова опуститься на кушетку.

Вместо обычных двадцати минут, домой они добирались целый час. С обеих сторон его поддерживали Колян и Слава. Колян, этот конопатый, крепкий простофиля, всегда сочувствующий угнетенным, ругал Серегу всеми ему известными позорными словами. Видно считая, что это поможет утешиться страдальцу. Славик же, хитроватый, невысокий, бледный брюнет молча подставлял свое плечо. И вообще, свое согласие на помощь, он дал в надежде, что по дороге их увидит Ирка. На ту безответно заглядывались многие. И у Славика, было, довольно мало шансов, хотя бы на мимолетное внимание. А тут вдруг, выпала возможность

отличиться. Они часто останавливались, чтобы отдохнуть, так как у героя сильно кружилась голова. И один раз, он на несколько секунд, даже потерял сознание. Когда оставалось метров сто до дома, Слава потерял всякий интерес к своей почетной миссии, так и не встретив на пути даму сердца. И, заявив, что тут уж они доберутся сами, а у него просто нет времени, вприпрыжку побежал к Иркиному дому. «Нет, ну ты посмотри, какой, гад!» – возмущению Коляна не было предела. «Да ладно, мы почти уже добрались.» – Слабым голосом промолвил Шурик.

– «Пока я не доведу тебя до дому, никуда не уйду!» Уверенность и твердость сказанного просто подкупала. Но, такой уж он есть – этот Колян. Никак не могущий понять, что каждый – сам за себя. Что не обязательно выполнять, то, что обещаешь. Его веснушчатое, простое, деревенское лицо вызывало улыбку. В классе не раз зло подшучивали, а иногда издевались над ним просто со скуки, зная, что не получат жесткий отпор. Его душевная щедрость и доброта считались чем-то неприличным и смешным. Получив сзади очередной пинок, он резко разворачивался, но, затем поняв, что это просто шутка, отходил, потирая уши и жалко улыбаясь. Через десять минут, Колян мог увлеченно обсуждать с обидчиком, как надо бить по воротам пинальти. Зла он никогда и ни на кого не держал. Оно в нем просто не могло найти себе места. Хотя при такой физической силе, можно было держать в страхе пол класса.

И вдруг Шурик понял, что приобрел друга. Слово-то какое удивительное – красивое, гордое, надежное. Никогда до этого не знавший вкус существования друга, он теперь был твердо уверен, что встанет на защиту Коляна в любых жизненных перипетиях. Захотелось, многим с ним поделиться, о многом поговорить. Дома Колян долго и искренне удивлялся как все аккуратно и чисто, не то, что у них. Мама постоянно была занята поисками нового мужа, а бабушка с ее плохим здоровьем, не успевала следить за порядком.

Во время обеда, попробовав их фирменные котлеты, Колян сообщил, что ест такую вкуснятину впервые в жизни. И, именно поэтому ему ненадолго надо отлучиться к себе домой. Оставив в недоумении новоиспеченного друга, стремглав убежал. Через пол часа, открыв калитку взмокшему и запыхавшемуся Кольке (для него он теперь стал Колькой) и увидев в сжатом кулаке спиннинг, Шурик понял, что стал ценен и нужен не только для мамы.

– Это самое дорогое, что у меня есть.

– Ты знаешь, я не могу взять его. – едва слышно пробормотал Шурик, хотя рука сама тянулась к такому сокровищу. Для любого пацана из их села это было целое богатство.

– Если ты не возьмешь, я просто обижусь.

– Спасибо. – Тяжелое удилище приятно оттягивало ладонь.

Вечер прошел просто изумительно. Они обсудили каждого из их класса, иногда смешно передразнивая, так на-

зываемых лидеров. Время пролетело незаметно. Прибежала встревоженная мама (видно, классная настучала по мобильнику), но была несказанно поражена, увидев гостя. Вначале, она просто опешила и было немножко неудобно за ее растерянное лицо. Затем справившись с волнением, побежала хлопотать на кухню. Сегодняшний ужин оказался праздничным и в меню, и по царившей атмосфере. Оживленный разговор, в который включилась и мама, продолжился за столом. Хозяйка удачно попыталась угодить гостю. К концу трапезы Колян откинулся на спинку стула и отдышавшись, заявил, что их дом самый лучший на свете. Затем смущаясь, попросил разрешения остаться на ночь у них, так как он часто не ночует дома и никто беспокоиться не будет. Мама была страшно возмущена таким отношением к ребенку и без всяких возражений согласилась. А вот Шурик был несколько озадачен. Он не собирался показывать, что спит с мамой в одной кровати, даже Коляну. Но мама, на удивление, быстро смекнув в чем дело, сообщила, что приготовит постель для них обоих в зале на полу. Такого замечательного вечера у Шурика еще не было. Они болтали обо всем, «перемысли косточки» всем своим общим знакомым и врагам. Хотя о своей страсти к чтению пришлось умолчать, Колян бы этого просто не понял.

Да, этот день оказался довольно трудным и перенасыщенным событиями для него, привыкшего к равномерному укладу жизни. И вообще, после происшествия в его комнате,

время вдруг побежало. Он как будто вышел из спячки. Произошло столько всего, накопилось море эмоций. Может он начал жить? Голова слегка побаливала и немного подташнивало. И только Шурик коснулся подушки, как пришел глубокий, без сновидений сон.

Следующее утро выдалось ярким и солнечным. Прекрасное настроение соответствовало погоде. Совсем чуть-чуть портили его синяки, появившееся вокруг глаз, после вчерашнего происшествия. Толстые линзы очков увеличивали их. И было довольно смешно видеть свое, так изменившееся лицо в зеркале. Хотя все это и придавало определенной мужественности. Мама, увидев впервые в жизни такого сына, заахала и наотрез отказалась отпускать его в школу. Но, долгие жалобные уговоры Коляна сыграли свою роль. Было решено, что Шурик отсидит только первые два урока. И если вдруг, почувствует себя плохо, то немедленно должен будет отправиться домой.

Счастье есть, он понял это, когда они, проходя мимо кружка старшеклассников, подошли поздороваться и те с уважением жали протянутую руку. Перед началом урока, большая половина пацанов подошла к нему, чтобы поприветствовать. Что было довольно приятно. Однако, заинтересованные взгляды девчонок непривычно смущали. Апогея поток уважения достиг, когда монстр Серега сунул для рукопожатия свою огромную лапищу. Пожав, обеими руками протянутую грабарку, Шурик чуть не заплакал. Учительница

биологии Любовь Федоровна, едва войдя в класс, усталилась неподвижным взглядом на Серегу. И затем произнесла воспитательную речь, из коей следовало, что, разным оболтусам и дебилам, а тем более драчунам – не место в таком культурном образовательном центре, как их школа. Монолог о недостойном поведении некоторых учеников продолжался в течение минут десяти и был прерван поднявшимся Шуриком. Тот срывающимся голосом, однако с неожиданно появившимися твердыми нотками, произнес: – «Я сам во всем виноват!» Так внезапно разорванная логическая цепочка воспитательных умозаключений, заставила Любовь Федоровну замолкнуть. В классе повисла гробовая тишина, стало слышно, как в столовой ругается уборщица тетя Катя. Пауза продолжалась минуты две, затем учительница, не найдя других вариантов, побагровев, провозгласила – «Вон, вон из моего класса!» Александр медленно поднявшись, неторопливо вышел из помещения. Это был триумф. Приятное чувство свободы, вседозволенности и собственной правоты охватило его. Никогда еще, он не бывал в коридоре во время урока. Удивленно осмотрев пустое фойе, он решил, что все-таки благоразумнее будет дождаться звонка на улице. Во дворе двое старшаков констатировали – «Растет пацан.»

И, пока он кидал снежками из талого снега по крыше туалета, его статус в школе неуклонно рос и изменялся. Теперь, это был другой человек, полноправный член большого коллектива под названием «Наша Школа». Организм молодеж-

ного корпоратива, еще не дождавшись окончания урока, начал принимать его в свои ряды. На перемене, самая красивая девчонка класса Лариса, подошла к нему и заведя разговор о том, какой он молодец, как бы невзначай, прижалась к плечу Шурика уже довольно большой грудью. Затем, играя, как кошка с мышкой, отстранилась. Но и этого оказалось достаточно, чтобы мир перевернулся. Весь красный, ужасно вспотевший, он забыл про все. Про школу, про дом, про маму и совершенно не понимая, о чем она говорит, только глупо улыбался. Вдруг живот стало невероятно крутить. Из всех сил сдерживая разбушевавшиеся газы, он, сославшись на какое-то неотложное дело, неуклюже поковылял на выход, чтобы не дай бог, не пукнуть при ней. «Тупица, идиот. Целый урок болтался возле туалета и не мог зайти.» Ситуация вынуждала составить о себе столь неличеприятное мнение. Сразу испортилось настроение. Дух свободы куда-то мгновенно испарился. Оказывается, все, что было до этого – это просто ерунда. Настоящее событие произошло именно сейчас, а он повел себя не как герой. Сопливая, глупая размазня. Дальнейшее пребывание в школе становилось невыносимым и вспомнив об уговоре с мамой, Шурик отправился домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.